

18+

Мила Маце

# *Случайные*



Мила Маце

**Случайные**

«Издательские решения»

**Маце М.**

Случайные / М. Маце — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-600420-7

Примерный на первый взгляд семьянин Вадим узнает в подруге дочери представительницу сложной профессии. Перед ним встает непростой выбор: узнать обо всем у взрослой дочери и раскрыть свои унижительные увлечения перед ней и женой или же самому отправиться на поиски девушки в черном парике, что несколькими ночами ранее вскружила его голову.

ISBN 978-5-00-600420-7

© Маце М.  
© Издательские решения

# Случайные

## Ми́ла Маце

© Мила Маце, 2023

ISBN 978-5-0060-0420-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мы в жизни любим лишь однажды...

1.

От света экрана телефона уже давно болели глаза. Да и глаза были уже красные чуть с припухшими веками. Все позы для одинокого лежания на кровати перепробованы и отвергнуты как неподходящие, неудобные. Звонить ему и узнавать: где он, с кем он и когда будет дома-унижение. Она уже думала встать, включить свет в комнате и начать разбирать шкаф с одеждой: уже весна и пора убирать теплые свитера, что время зря тратить... Она ведь все равно не уснет, но тогда он бы понял, что она волновалась, не спала, ждала его... А это тоже уже стало своего рода унижением. Попытки отвлечься на глупые видео в социальных сетях, на умную книжку по психологии о том, как найти в себе женщину, которую он полюбит без ума-были тщетны. Виски стучали, а голову сверлила мысль: «почему столько любви и ему. А ему этой любви не надо, как и ее самой». Для своих лет она была в прекрасной физической форме, среднего роста, с четким овалом лица и тонкими чертами, ясными голубыми глазами в обрамлении темных ресниц, ровным цветом лица и чуть припухлыми губами. Длинные русые волосы на ночь она собирала в высокий пучок на голове, что с утра давало ей быструю укладку крупными волнами. Настоящая русская красавица, внешность которой годы и несчастливая семейная жизнь почтенно обходили стороной, напоминания о себе лишь записью даты рождения в паспорте. За гены она могла благодарить бабушку-сибирячку по линии матери. На такую оборачиваются приезжие европейцы, гуляющие по Красной площади, и цыкают смуглые мужчины СНГ. Но завтра утром после стольких слез и бессонной ночи в зеркале она навряд ли найдет следы победы в генетической лотерее. Скорее всего лишь след поражения в личной жизни. А когда тебе вот-вот пятый десяток след поражения может быть настолько глубок, что, пройдя все глубины физического уже давно сидит в самой душе. И никакая косметика, процедуры в салоне этого уже не скроют. Это будут выдавать сами глаза.

Она уже думала, что надо бы встать и выпить таблетку от головы, но тут, услышала, как проворачивается ключ в двери. В момент отложила телефон, отвернулась от двери в спальню и приняла максимально спящий вид. Было просто, было не впервой.

В прихожую ввалилось тело. Точнее мужчина, высокого роста, от него веяло дорогим парфюмом и таким же алкоголем, был одет в почти не помятый, дорогой костюм. Но все внешние атрибуты сейчас не спасали. Он был пьян. И пока, неуклюже снимал дорогие ботинки на манер дешевых резиновых калош, снес локтем любимый парфюм дочери с полки в прихожей. Склянка мерзко бряцнула о плитку в прихожей в ночной тишине многоэтажки бизнес-класса, но стекло выдержало. Мужчина густо выругался едва слышно, поднял парфюм, зашел в спальню, закрыв дверь, скинул одежду на пол и улегся на свою часть кровати в трусах и носках. Не прошло и минуты, комнату наполнило глубокое мужское сопение.

Она встала и направилась к кучке его одежды. И дело было не только в ее нетерпении бардака. Вынесла одежду в комнату, что называют прачечной. Осмотрела ворот его рубашки, от нее несло женскими очень сладкими духами. До омерзения сладкими, если ими дышать час-два то сахар в крови точно подскочит. Ком подкатил к ее горлу, глаза налились слезами,

стук в висках усилился. Хотя чего это она? Ничего нового, ничего серьезно. Ничего нового или неожиданного. Теперь можно и спать лечь.

2.

– Опять пришел вымазанный в чужой помаде и пудре?

Только Катерине, можно было задавать такие вопросы и в таком тоне. Катя была не только подчиненной Анны (мужской стилист), но и подругой. Может Катя не была самой воспитанной женщиной на свете, но точно была одной из самых искренних и проникновенных людей в жизни Анны. В ней не было ничего искусственного ни во внешности, ни в отношении к жизни и людям, может именно поэтому за плечами Кати было три брака разной продолжительности. Эта женщина знала цену себе, поступкам, слову, особенно слову мужчины. Если ей что-то не нравилось в мужчине, что рядом с ней, она имела смелость и честность прямо сказать ему освободить помещение и ее жизнь. При этом делала это так мягко и не обидно, что все ее бывшие мужья и отец ее сына-подростка в той или иной мере участвовали в ее жизни всячески делая ее легче, будь то подкинуть денег, отвезти престарелую бабушку на дачу, или научить сына играть в шахматы. Внешность ее нельзя было поставить в один ряд с внешностью Анны, но Катя была харизматичной, веселой и очень доброй, что влекло к ней мужчин.

Анна никогда не желала быть в жизни как ее подруга, но искреннее уважала ее и даже отчасти восхищалась ею.

– Да... -вздыхнула Анна. Видно, освежающий мейк с утра не сильно помог ее лицу, раз Катя так быстро все считала. – Хорошо, что я никогда никого так сильно не любила... – Анна опустила глаза и засмеялась. Таким грустным, чуть нервным тихим смехом.

Катя взяла подругу за руку и посмотрела ей в глаза. Между ними не было секретов, зависти, глупых женских соревнований. Слишком разными они были. Слишком по-разному смотрели на жизнь. Анна никогда не осуждала Катерину за импульсивность поступков, а Катерина Анну за устаревшие взгляды на жизнь и место женщины в этой самой жизни.

– Давай сходим куда-нибудь, подвигаемся, развеемся, может даже выпьем. Пусть тоже подождет тебя ночью. Главное прийти позже него и пьянее него, чтобы он точно заметил твое отсутствие.

Анна снова засмеялась, но сейчас смех был повеселее. – Мы, наверное, просто слишком давно вместе. Давно ни как супруги, любовники, скорее как родительница и непутевый сын.

– Оправдание на всю жизнь вперед? – Анна снова опустила глаза.

– Не важно вместе вы с семнадцати лет, женились по залету, есть любовь между вами или нет... Главное, что должно быть уважение и в первую очередь уважение к себе...

Катя пыталась взглянуть в лицо подруги, но Анна опустила его и не давала разглядеть себя. В ее глазах стояли слезы. Она знала, что ее добрая подруга права.

– Ты родила ему прекрасную дочь, ты не потеряла себя в браке, не превратилась в тесто для пирожков, – Катя показала рукой на фигуру подруги, – именно благодаря тебе и твоему отцу он имеет свою должность, твой салон процветает. Ты бы не пропала без него даже с ребенком. Как бы сложилась судьба мальчишки-сиротки без единственной дочери обеспеченного человека? – Я никогда ему этого не озвучивала. Всегда считала, что это низко. Что это оскорбит в нем мужчину?

– Мужчину?! -всплеснула Катерина, – что за мужчина, которого оскорбляет правда?

Анна снова опустила глаза. Так делают все. Все, кто знает, что собеседник прав, но не хотят в этом ему признаваться, ведь тогда надо будет признаться и себе.

– Это я виновата, что мы тогда поженились. Это было очень рано. Может не стоило привязывать его к себе ребенком, надо было отпустить его, позволить жить свою жизнь, а мне строить свою. Папа бы меня не оставил в беде одну. Тут еще и его бабушка настояла, ей было сложно с ним одной, а так она понадеялась, что он создаст свою семью, точнее попадет в мою,

где был мой отец тогда еще здоровый и полный сил и что Вадим, будет под его крылом. Мы все тогда были жертвами сложившейся ситуации. И эту ситуацию допустила я. Отец видел меня врачом, а тут я залетела в семнадцать лет.

– Перестань, -остановила подругу Катя, ну было и было. Не осуждаю его за то, что всю свою сознательную жизнь, он пользуется благами твоими и твоей семьи, даже хвалю, что сейчас все держит на достойном уровне, но так открыто изменять – это низко. Но может как раз деньги и испортили его. Деньги многих портят. Хотя нет, даже не так... Как там психологи говорят: деньги показывают нутро человека. Если бы у него было лишь на семью, то и уходило бы все лишь на нее. А тут: есть дополнительные деньги-отсюда и все эти развлечения. Будь он обычный работяга, то и семью бы берег. Да и меньше женщин бы велось на него. В тебе как в жене, я не вижу явных изъянов. Если его что-то не устраивало, он мог просто озвучить тебе их. Ты бы точно пошла на компромисс и отточила себя под его лекала. Ты даже дочь назвала в честь его погибшей матери.

– Я никогда не контролировала его заработки и траты.

– Я тоже не сильна в финансовом контроле над мужчиной, – усмехнулась полноватая Катерина.

– Какой надо быть женщиной, чтобы мужчина сам отдавал себя тебе всю свою жизнь? И делал это искренне и без остатка?

– Очень сильной, -засмеялась Катя.

– Самой любимой, – задумчиво протянула Анна.

3.

– Марина, ты дома? – Анна вошла на кухню.

За столом сидела прехорошенькая девушка. Природа не отдохнула на дочери красивых мужчины и женщины: Марина была стройной и статной и курносой в мать, с копной волос русого цвета чуть с золотым отливом, карими глазами в отца. И хотя сейчас она сидела за столом, полным крошек от печенья и кружкой кофе в руках, с дурацким пучком на скорую руку на голове, и большой, не по размеру футболке ее молодого человека, в очаровании светлого лица двадцатилетней девушке нельзя было отказать.

– Угу, – протянула Марина не отвлекаясь от экрана телефона, что лежат на столе рядом.

– А чего на лекции не поехала?

– Не выспалась.

– Почему?

– Не смогла уснуть после прихода папы.

Анна оказалась рада, что при этих словах дочери, она наливала себе кофе, а значит была спиной к дочери и та не смогла проследить реакцию лица матери. Выражение его сейчас было очень раздосадованным. Анна справилась с эмоциями и села напротив дочери. Но той не нужно было ловить мать на сиеминутной эмоции, та давно поняла и приняла, что брак родителей пребывает в тупике. А точнее в тупике ее мать, отец же вполне комфортно себя чувствует. Он адаптировал все под себя.

– Мам, -сказала Марина, зачем вы так продолжаете жить? Зачем ты позволяешь ему? Сколько это может продолжаться?

– Ты еще маленькая, ты не понимаешь какие сложные моменты могут быть в браках и как долго их бывает надо преодолевать.

– Зато я точно знаю, что то, как он себя ведет, это неправильно. Для понимания этого не надо быть сильно взрослее, умнее или мудрее.

В скорости выплеска эмоций Марина была больше похожа на отца, потому эта фраза была произнесена ею громко, четко, даже с вызовом.

– Давай уже езжай на учебу. Лекции не пропускай.

– Окай, – смиренно протянула Марина вставая из-за стола, но обернулась в дверях и сказала, хотя точнее сделала заявление:– я сегодня буду ночевать у Андрея, -и не дожидаясь разрешения матери, покинула помещение.

Анна осталась одна в тишине светлой и просторной кухни. Лишь тихое тиканье часов осталось с ней.

4.

Марина опоздала к началу третьей лекции, которая начиналась около часу дня. Ехать до университета было недалеко. Опоздание было запрограммировано неторопливым собранием, которому мешали грустные мысли о жизни ее родителей. Мысли о том, что любви между ними никогда в общем-то и не было. Была мама, молодая и красивая, был папа, такой же. Была престарелая прабабушка, просившая родителей Марины при ней жить дружно в согласии и просто жить ради маленькой Мариночки. И был властный дедушка. Семен Степаных, человек, что в сложные годы прошлого столетия в нашей стране умудрился построить хорошо функционирующий, пусть не самый большой, но вполне прибыльный бизнес, связанный со строительной сферой. Марина хорошо помнила, как в детстве за семейными ужинами дедушка учил ее молодого отца азам своей работы, настаивал на обучении в университете по предлагаемой им специальности. Как уже будучи старым и ослабевшим от затяжной болезни перед смертью передал все зятю, что едва перешагнул тридцатилетний возраст.

Допускать свою дочь к этой работе Семен Степанович не хотел. «Не женская это работа» – говорил седой, похудевший старик, все так же закуривая очередную сигарету в своем рабочем кабинете, несмотря на все наставления врачей. Бабушку Марина помнила доброй и ласковой женщиной, но очень тихой и худой. Ее не стало за пару месяцев до кончины Степана Семеновича. Его болезнь сожгла сначала ее, и потом только одолела его самого. Чем взрослее становилась Марина, тем больше воспоминаний из детства выстраивались в ряд в ее голове и тем яснее она понимала: любви в браке родителей никогда не было. Точнее была, но только с одной стороны. Был долг, но по большей части только с той же стороны что и любовь. Совсем коротко объяснить почему ее отец и мать были вместе можно одним словом, а точнее ее именем: Марина. Ее рождение было единственным, что объединяло ее молодых родителей, ну и дедушка, но с его кончиной, ее отец больше ушел в работу, которой и прикрывал многие свои поступки, что любящий муж, по мнению Марины, делать не должен. Ее мать скрывала все, желая не навредить еще неокрепшей психике девочки-подростка, а может это была ее причина самой не видеть поступки своего неверного мужа. Марину раздражало, что мать могла так долго молчать о проблемах. Измена за изменой, все они смешались в огромный ком, что сейчас нещадно покрывал их семью. Марине казалось, что это все унижительно. Она пробовала пару раз говорить с отцом, но он лишь коротко и отстраненно отвечал на ее аккуратные вопросы и несмелые просьбы. «Вырастишь, все поймешь» – отвечал тот. В одном ее такие разные по темпераменту родители были схожи: Марина была для них еще ребенком. Хотя она недавно, когда перешагнула порог совершеннолетия, любящий отец ознаменовал это событие подарком в виде новенькой иномарки. То есть водить машину-взрослая, помочь родителям разобраться в своих проблемах-маленькая. Какие странные люди, эти родители!

Ее мысли прервал телефонный звонок.

– Привет, моя булочка с корицей! -радостно поприветствовала девушка человека на другом конце провода.

– Привет малыш, – ответил ей мужской красивый голос в трубке, – ты приедешь ночевать ко мне сегодня?

– Хм, я не взяла вещи...

– Да ты с прошлой недели столько всего оставила! Уверен у меня дома уже есть абсолютно все, что тебе надо! -засмеялся голос в трубке.

Марина тоже рассмеялась. Дима всегда умел вытащить ее из самых грустных мыслей и заставить смеяться.

– Я буду пораньше, приготовлю ужин.

– Если будут котлеты, то утром можешь еще парочку вещей оставить, – Марина снова рассмеялась на его эти слова.

– Хорошо, будут они. До вечера, целую, – с ласковой улыбкой ответила она.

– Люблю, – нежно ответил голос в трубке.

5.

Марина тихо вошла через двери в конце лекторного зала и села возле своей хорошей приятельницы Ксюши. Девчонки часто опаздывали или даже прогуливали лекции вместе.

– Приветтики! Что за предмет? – спросила Марина.

– Гематология, трансфизиология, – сонным шепотом ответила Ксюша.

Марина скривила лицо, пытаясь изобразить ужас. Ни одно из этих двух слов не было ей особо понятным.

– Опять всю ночь работала?

– Да, скоро вносить за аренду квартиры, отправить маме на лекарства и менять зимнюю резину на машине. Наверное, придется покупать новый комплект. Та почти лысая, – сонно ответила Ксюша, почти не поднимая голову с руки.

– Давай у Андрея через шиномонтаж попробую тебе найти шины подешевле?

Марине нравилась Ксюша. Она была ей ровесницей, очень милой в общении на общие темы или касательно жизни Марины, но надо отметить становилась чуть странноватой и закрытой, если разговор касался жизни самой Ксюши. Марина списывала эти резкие перемены в настроении подруги на то, что Ксюша была родом из маленького городка, название которого сама Марина не помнила, а еще у Ксюши была большая престарелая мать. Вроде бы сама подруга когда-то говорила о сложной форме диабета, но Марина не была уверена, а уточнять не хотела, потому что считала это не тактичным. Главное, что Марине было комфортно с Ксюшей. Та была напрочь лишена зависти к более обеспеченной подруге из полной московской семьи, спокойно общалась с парнем Марины, без попыток пофлиртовать или понравиться ему. А понравиться Ксюше было бы очень просто: высокая, стройная, с огромными зелеными глазами, с чуть вздернутым носиком, маленьким ртом, но с пухлыми губами, особенно нижняя, которая так по-детски была слегла оттопырена. А еще Ксю была умной, она была из тех редких людей, что выбрали медицинский университет не по наставлению родителей, а по зову сердца и отчасти даже талантам, о которых, возможно, еще даже не подозревала. Она быстро схватывала и хорошо училась. Единственное, что мешало ей быть одной из лучших на курсе – сложная ночная работа. Ксюша всем говорила, что она официантка, но название ресторана ни разу не звучало. А еще она снимала квартиру с одной девчонкой. Ксю говорила, что девчонка эта хорошая и очень помогла ей с работой и обустройством в большом незнакомом городе.

– Ты меня спасешь этим! Давай я тогда сделаю лабораторки за тебя в этом семестре, – предложила Ксения собирая длинные каштановые волосы в высокий тугий хвост. В процессе этого действия она случайно встретилась взглядами с Егором, своим однокурсником, юношей приятной наружности, всегда опрятно одетым, хоть и излишне худощавым. Единственное что портило внешность юноши, что только-только обретал наружность молодого мужчины, это толстые очки в роговой оправе и нервный тик, что то и дело искажал острые черты лица Егора. Ксения улыбнулась ему и чуть кивнула головой в знак приветствия. Егор заморгал еще чаще и поспешил отвернуться от нее.

– Давай. Я передам тебе методичку на днях.

Марине подумалось, что это замечательная идея. Ей совсем не хотелось тратить время на неинтересные лабораторные работы, она была из тех, кто пошел в медицинский по настав-

лению, а точнее даже требованию родителей... матери. Да и помочь Ксюше Марине было чисто по-человечески приятно.

Через пару часов девушка ушла из университета, не дожидаясь окончания последней лекции, ей стало скучно, плюс Андрей уже давно ждал ее у себя дома. И она точно знала, рядом с ним никогда не грустно, не одиноко...

6.

Вадим и Анна не пересекались дома уже пару дней. Это явилось результатом их совместных старательных попыток уйти от встречи, а точнее от разговора, что точно бы состоялось при их встрече. Вадим все таки чувствовал вину, как обычно и бывало несколько дней после очередной измены. Ну а Анна просто не хотела видиться. Она понимала, что тогда эмоции снова могут взять верх над ней, она снова начнет высказывать ему свои обиды и просить его вести себя иначе, будет кричать, ее лицо будет передавать все ее эмоции, она на некоторое время вылетит из образа воспитанного человека, благоразумной женщины, леди в конце концов! Этого она никак не могла допустить. А он снова уйдет и несколько дней не будет жить дома. Так было пару лет назад, когда чаща терпения Анны однажды уже лопнула. Был страшный скандал, Вадим ничего не отрицал, не защищался, собрал вещи и уехал. Не на дачу, не на бабушкину квартиру, (там арендаторы), и даже не к лучшему другу, он же коллега, Сергею. Возможно, жил в отеле. На звонки Анны, что не находила себе места, не отвечал, но каждый день звонил Марине, просто спросить, как у нее дела и через нее же узнать как поживает Анна. В первые дни Марина была обижена на отца за мать, не брала трубки, потому ему приходилось звонить Андрею, молодому человеку Марины, что только-только начал за ней активно ухаживать и каждый день встречать из университета, и узнавать о том, как его дочь проводит эти дни через него. Вадим был любящим отцом, хотя Анне всегда казалось, что он бы мог с дочерью ближе. Анна не ездила к нему на работу, хотя отлично знала, что там его как раз она точно застанет, но тогда она снова могла перестать быть леди, а это недопустимо. В глубине души и, основываясь на опыте прожитых вместе почти двадцати лет, она знала, он вернется. Так и случилось. Через несколько дней Вадим вернулся домой, Анна молча его встретила. Так и пошли обычные будние дни в угрюмом молчании. Через пару недель у Вадима был день рождения, тридцать восемь лет. Анна купила подарок-редкая виниловая пластинка, Вадим давно ее хотел, она точно знала. Он однажды обронил это в диалоге за месяца два до своего Дня рождения. Заказала торт, ресторан, пригласила лучших друзей. Даже ненавистного ей Сергея с женой. Ирочка у него была добрая и милая женщина чуть старше него. С Иррой у Анны было много общего, например совместные увлечения их мужей, которые никак не способствовали укреплению брака каждой из них. С той вечеринки вроде как их отношения наладились. Марина смотрела на родителей и, конечно, была рада их примирению, но внутри себя чувствовала странную боль, за маму, за молодую еще и очень красивую женщину. А еще Марина чувствовала страх, страх обнаружить себя лет через двадцать на месте своей матери, что сейчас вызывала у нее жалость.

В будние дни Вадим спал на диване в зале. Рано уходил на работу, в выходные молча завтракал и уходил в спорт зал, в парк, просто на работу или дачу. Такая жизнь тянулась уже пару недель. Пару недель сложных для Анны и абсолютно комфортных для Вадима.

– Ну чего ты так живешь? Уйдешь может и все. Обоснуешься на новом месте, поживешь холостяком! Вы все равно живете как чужие, – весело подстрекал Сергей в кабинете у Вадима, – ты же ни разу сам себе предоставлен не был, тут хоть узнаешь как это круто!

– Нет, нет, нет, – махал головой Вадим, – Анна и так злится еще с того раза, слова не говорит, но смотрит так зло, будто свежует меня одним лишь взглядом, – если совсем съеду, надо будет разводиться, это сложный процесс да и долгий. Марине как-то всё объяснить, да и с Анной мне хорошо.

– Тебе с ней не хорошо, а комфортно! – подняв указательный палец правой руки, резюмировал Сергей.

Вадим не спорил с другом. Тут тот был прав абсолютно. Анна – это стабильность, комфортно, хрупкое женское плечо, что сильнее многих мужских, на которое Вадиму за столько лет их совместной жизни периодически приходилось опираться. Она всегда была рядом, всегда была его и за него. По документам и перед лицом людей и Бога она была его жена, но для самого Вадима она была больше, как заботливая мать или старшая сестра, сильно старшая, лет на пятнадцать точно. За столько лет он ни разу не думал, что ему утром надеть, где его носки, чем завтракать и ужинать, как и когда пить таблетки при простуде-все было на Анне. Даже дочь, которую Вадим очень любил. Она была выращена и воспитана только Анной. Вадим между семьей и работой всегда выбирал работу, впрочем, между семьей и друзьями, хобби, развлечениями выбор всегда был не в пользу семьи. Между чем угодно и семьей, он всегда выбирал что угодно. В семье ему было «душно». Если бы Вадим хоть раз согласился посетить с Анной кабинет семейного психолога, как она многократно просила, то на вопрос специалиста как Вадим чувствует себя в семье именно так бы и ответил: Мне в ней душно.

Пока был жив отец Анны главой их семьи, по сути, был он, как и главой бизнеса. При нем Вадим был крайне аккуратен в своих увлечениях и еще более аккуратен при скрытии этих самых увлечений. Со смертью Семена Степановича Вадим выдохнул. Он очень уважал тестя за то каким он был сильным и волевым, как смог построить дело своей жизни, даже за то, кем Вадим стал при строгом и четком направлении отца Анны. Но с его уходом, Вадим наконец-то стал главой семьи, фирмы, и самое главное – своей жизни. И если быть главой первого ему не очень нравилось, то вот роль главы фирмы ему вполне «зашла». Статусность-всегда привлекательна. Да и доходы были неплохие. И все дело было поставлено на ровные рельсы еще при здоровой жизни Семена Степановича, так что прибыль Вадим извлекал особо не напрягаясь. И свои загулы больше нет смысла так тщательно прятать от семьи: с дочерью отношения были недостаточно близкие, чтобы их обсуждать. Риск осуждения со стороны дочери был минимален. Максимум-тяжелый взгляд с утра. А жена... она терпит... и сделает это как подобает леди-молча. Да и что об этом ему думать? На вечер пятницы уже были интригующие планы...

## 7.

Уже почти полгода каждый вечер пятницы и субботы у Ксюши проходил одинаково. Всю ночь до последнего посетителя (девчонки меж собой часто вместо слова «посетитель» использовали «клиент») она танцевала в одном из самых дорогих и популярных клубов столицы «СинСити». Клуб позиционировал себя как кабаре, ведь целыми ночами там были танцы и даже имелась какая никакая сцена, на которой по субботам были танцевальные постановки эротического характера, но, по сути, это был обычный стриптиз-клуб: музыка, приглушенный свет, бархатные диванчики, круглые столы и пилоны, на которых молодые девушки извивались словно змеи в попытке поймать добычу... хрустящие купюры. И приват-комнаты, с охраной у каждой, но без камер внутри.

Ксюша сидела в большой гримерной, за одним из множества зеркал с подсветкой. Рядом сутились, красились и надевали наряды девчонки ее возраста. Кто старше, кто младше. Все были красивы, эффектны и молоды. Молодое тело всегда продается дороже. А если за плечами есть танцевальное прошлое или даже гимнастическое-чаевые за вечер могут составить половину средней зарплаты по городу. Надо всего лишь пережить похотливые взгляды и потные руки, что нагло будут пытаться схватиться за молодое тело. Потом, конечно, будет горячая ванна и мысли о том, что дальше так продолжаться не может и еще раз выйдет на смену-закроет парочку горящих вопросов: купить маме дорогие лекарства или оплатит ремонт старого забора дома матери и все! А сейчас надо взбить волосы попышнее и накрасить губы поярче. Но сегодня Ксения совсем не думала о работе, уже шесть часов она не могла дозво-

ниться до матери, что осталась жить в родном поселке, где Ксения родилась. Соседка, что жила через забор, была в больнице и потому сходить к матери Ксюши и провести ее не могла.

– Поедем домой вместе?, – за соседний столик уселась подружка Ксюши и ее, так сказать, коллега, Сабиша. Как ее звали на самом деле никто в клубе не знал. Даже Ксюша, с которой Сабиша вместе снимали квартиру. Вначале совместной жизни Сабиша рассказала подруге, что была замужем. Выходила по настоянию родителей, по всем родительским наставлениям и традициям. Муж был сильно старше, но очень богат. А еще ревнив и вспыльчив. Вскоре наступила беременность, но на одном из УЗИ врачи усмотрели патологию у малыша. Сабиша в слезах рассказала мужу о проблемах и объяснила, что после родов малышу потребуется срочная операция. Муж был в ярости. Орал, что ребенка она нагуляла, что от него не могло быть дефектного наследника. После криков последовали побои, последствием которых стал выкидыш. Сабиша сбежала ночью из больницы, утирая слезы и проклиная мужа и родителей. Обещала себе никогда не возвращаться в родную республику и вообще накопить денег в Москве и переехать поближе к морю и жить там в свое удовольствие без оглядки на наставления и традиции. Ей они счастья все равно не принесли.

– Да, – отрешенно ответила Ксю, снова набирая номер матери, но абонент был не в сети, как и до этого.

– Ты чего такая взволнованная?

– Мама не отвечает с четырех часов дня. Ты же знаешь, у нее проблемы с памятью и ориентацией в пространстве. И соседка как на зло, сейчас то ли в санатории то ли в больнице, сын ее где-то бухает, никто не может сходить к маме и провести... я утром поеду к ней.

– Долго не сиди, выходи скорее за «жирные» столы, – посоветовала подруге Сабиша, энергично перекидывая копну рыжеватых кудрявых волос, на другую сторону головы, – я сегодня в бирюзовом, будут хорошие чаевые – с улыбкой Сабиша показала на невероятной красоты яркий бирюзовый комплект белья на себе. Красивая упругая грудь заманчиво выглядывала из бюстгалтера, высокие трусики подчеркивали женственные бедра, на левом бедре кокетливо красовалась кружевная подвязка в тон комплекта. И вся эта прелесть из кружева на загорелом подтянутом теле молодой женщины, что отличалась гибкостью и артистизмом. «В детстве занималась народными танцами» – некогда поясняла свои таланты коллегам Сабиша.

– Давай отдадим скорее твой процент за вечер Руслану и сможешь пораньше поехать.

– Спасибо, дорогая моя! – Ксю обняла Сабишу, в ее глазах стояли слезы. Ей очень повезло с Саби, та была доброй, понятливой и по-своему очень любила юную подругу и всегда поддерживала то советом, то реальной помощью в виде устройства пусть на сложную и противную работу, но все таки денежную.

В примерную зашел Руслан, управляющий заведением. На подносе были бутылки шампанского, бокалы, фрукты. Он любил так заходить к «своим девочкам», считал, что подбадривает их перед сменой и помогает им поймать нужное настроение, «вайб».

– Девочки мои, – обратился он ко всем сразу, оглядывая свысока гримерку и всех девочек разом, его рост в почти два метра это как раз позволял, – сегодня полная посадка, пятница, дайте людям огня и кайфа! Сабиша, девочка моя, ты сегодня просто ангел секса! – Молодая женщина изобразила спокойную и благодарную улыбку на своем хорошеньком лице.

– Может кому допы нужны?, – заискивающе спросил Руслан. Две блондинки с крайних гримерных всплеснули руками и захохотали.

– Вы, мои сладкие, всегда на допах! Оксана, тебе? – вдруг серьезно спросил Руслан.

Ксюша молча помотала головой. Руслан отставил поднос на край столика, наклонился над ней и прошептал ей в самое ухо, касаясь ее волос своими тонкими губами: Ты тут для веселья... вот и весели народ, кислая рожа это не про веселье... – Ксюша закрыла глаза от ужаса, она боялась этого человека. Пытаясь сохранить самообладание и спокойно усидеть на стуле, она сделала движение головой, что означало: сегодня она будет девочкой, что соответствует

статусу заведения. Руслан довольно улыбнулся, выпрямился и вышел из гримерки. Просить его отпустить ее пораньше было уже невозможно.

– Он козлина, помнит твой отказ- едва слышно сказала подруге Сабиша, – умеет давить над теми, кто сейчас слаб... когда наберу нужную сумму денег, сожгу это место вместе с ним.

– Я привезу канистру керосина, – заговорнически сказала Ксюша.

8.

Ксюша снова и снова набирала матери, но телефон был выключен. Пора было уже выходить в зал и работать. Ксю и Сабиша вышли вместе. Подсветка, музыка, столики, диванчики, пилоны с потолка, привинченные прямо в круглые столики. «Ненавижу это место» - пронеслось у Ксении в голове. Девочки-официантки разносили напитки и закуски в своих униформах: красные короткие шорты и топы, обязательной была и красная помада. Народу и вправду был полный зал. Вечер Сабиши был расписан между вип-клиентами на приваты. То, что она вытворяла у пилон было фантастическим и заставляло мужчин тянутся одной рукой к вздыбившейся ширинке, а другой снова и снова вытаскивать наличку из своего кармана и заталкивать под трусы Сабиши. И дело было не в сложности ее танца, а в безумной харизме, дерзкой сексуальности: Сабиша умела смотреть прямо в глаза клиента, как змея, настоящая кобра, будто гипнотизировала его и заставляла опустошать карманы и кредитки ради нее. Она всегда делала самую большую кассу, получала самый большой чай и вообще считалась ветераном места в хорошем смысле слова. Сколько времени она тут работала-никто точно не мог сказать, но года три уже точно.

Ксю танцевала совсем недолго. Руслан находил ее танцы скучными, но на самом деле они были просто меланхоличны. У нее была хорошая растяжка, красивая осанка, чувство ритма и умение подать себя, но это умение было чистым, будто смотришь балет: трусы видно, но это искусство. Если Сабиша была огнем и страстью, то Ксю скорее тонким чистым водопадом. И даже черное белье, черный парик каре и темные, бордовые губы не могли скрыть чистоту юной девушки.

– Смотри, это та новенька, о которой я рассказывал. Тут совсем недавно, растяжка закачаешься! – весело произнес толстоватый мужчина, пытаясь переорать музыку и проталкивая друга к столику, на котором работала Ксюша. Вадим плелся за другом. Не любил он подобные места, это всегда заканчивалось загулом с очередной танцовщицей.

Мужчины уселись на бархатный низкий диван. Положили наличку на стол, Ксюша начала свой танец. Сначала она просто медленно танцевала вокруг металлического блестящего пилон, показывая свою растяжку. Мужчины замороженно смотрели. Вадим едва моргал, было в этой девушке что-то таинственное, он был заморожен. Закончить свой танец Ксю решила ярко. Она медленно взобралась по шесту почти до самого потолка, там она перекинула ноги так, что ее голова оказывалась внизу, так она резко соскользнула вниз расправив руки, словно ангел в падении, опустилась, почти касаясь макушкой стола, взяла наличку одной рукой и засунула себе в бюстгалтер. Прогнулась, схватила руками пилон, упала на столик коленями, чтобы попа приземлилась аккуратно перед лицами изумленных мужчин и прогнула спину так, что ее голова оказалась почти напротив лица Вадима. Их взгляды встретились. Сергей вскочил с места, заплодировал и выложил на стол еще несколько крупных купюр. Ксения встала на ноги, подняла деньги, чуть наклонила голову в знак благодарности и сошла со стола. Ее время за этим столиком было окончено. Она хотела пройти в гримерку и вытрясти содержимое белья в шкафчик-сейф.

Тут в гримерку вошел Руслан.

– Солнце мое, приватов у тебя нет. Пойдешь за Ритку на сцену.

– Я не могу! Я не готовилась, – возмутилась девушка.

– Хочешь потерять место? У меня тут очередь из девок, может шпагат не так все умеют тянуть, но жопой вертят получше твоего. Так что иди-ка и повтори все то, что сделала за седьмым столиком и может я тебя оставлю еще.

Глаза Ксении наполнились слезами, но она встала и проследовала за свой гримерный столик, поменять образ.

Сергея никак не отпускало увиденное: «Ну как хороша! Чертовка! Просто вамп!»

Вадим тоже был под впечатлением, но увиденное заставило его задуматься, и он молча пил из своего стакана напиток, лишь изредка кивая на слова друга.

– Интересно сколько стоит приват с ней, пойду узнаю свободна ли она сейчас, – с этими словами Сергей прошел к администратору.

Вадим остался сидеть за своим столиком. К нему подошла другая девчонка в розовом вырвиглазном белье и спросила потанцевать ли ей. Вадим на автомате утвердительно кивнул, толком не расслышав вопроса даже. Вадим искал глазами Ксюшу: молодую красотку с каре.

Тут на сцену упал яркий свет прожектора. Чернокожий, высокий мужчина в майке со стразами. У него была ярко выраженная мускулатура, правильные черты лица, волосы, свойственные для его расы и невероятно бархатистый голос и абсолютно никакого акцента. Это был Томи, он был здесь и ведущим и диджеем.

– Сейчас будет выступать невероятная девушка! Ее растяжке может позавидовать сама Волочкова, – Томи интригуяще поднял бровь и заглянул в толпу мужчин, что сидели и стояли возле сцены, – эта девушка просто ангел... Падший ангел, что упала с самого неба к ним в Синсити специально для радости и удовольствия сегодняшних гостей. Она снова вознесется в небо, но не с помощью молитв, а с помощью ваших подношений, о смертные – говоря это Томи сделал классический жест рукой, что давал клиентам понять, что подношения для ангела – это купюры.

Заиграла музыка, что-то вроде Седнес Энигмы, что здорово создавало нужное настроение. Прожектор осветил самый верх пилона у потолка. Там была она. Но уже в белых маленьких трусиках и с белым париком! А какого еще цвета должны быть волосы у ангелов и Таргариенов? Только такие! Вадим, подчиняясь направлению движения толпы, подошел к сцене ближе. В Оксане он не сразу узнал девушку-вамп, что недавно танцевала для него и его друга. А когда узнал, обомлел: ее длинные стройные ноги были украшены витиеватыми узорами из страз, которые по бедрам поднимались к талии, вырисовывая на ней причудливый узор и заканчивались выше, украшая грудь девушки и играя роль бюстгалтера. На руках ее были надеты блестящие браслеты с кусками белого шифона, что создавали иллюзию крыльев. Выглядела она потрясающе! Двигалась еще лучше! Она почти не касалась пола сцены, все движения происходили в воздухе. Она исполняла свой танец легко, воздушно, будто она и вправду умеет летать, и гравитация на нее совсем не действует. Но девчонки, что занимаются подобным ремеслом, отлично знают, какой это сложный и техничный труд! «Вау!», «Охренеть!», «Вот так ангел», «Я бы полетал с такой!» – звучали возгласы в толпе.

Лишь один человек держался чуть поодаль, у края бара в едва освещенной зоне. Он молча наблюдал за девушкой на пилоне. Его лицо не выдавало никаких эмоций, но внутри него бушевала буря: воспаленный мозг был охвачен гневом и внутри него жаром разливались мысли: «Ублюдки! Грязные ублюдки! Ненавижу всех их!». Ксения на сцене сделала движение, будто двигается в его сторону. Это заставило его часто заморгать, ссутулиться и отойти от бара еще дальше, где было еще больше темноты.

Ксения повторила тот же элемент танца с падением с пилона с распростертыми руками и перекидыванием ног. Оказавшись сидячей на полу сцены, она продолжила выгибающиеся движения спиной и сделала шпагат лежа перед лицами изумленной толпы мужчин... Музыка затихла, танец закончился, раздался грохот аплодисментов, на пол сцены полетели купюры, много купюр. Музыка снова включилась и продолжая свой танец, Ксения собрала все деньги в кучку возле пилона и начала снова по нему взбираться, делая движения руками и ногами,

будто она летит. Все как сказал Томи: подношения смертных помогли ангелу снова взлететь на небо. Свет погас, музыка стихла. В этот момент Ксения ловко спрыгнула с пилона, подняла деньги и убежала за сцену в гримерку. В зале началась обычная суэта, клиенты разбрелись по своим диванчикам.

– Девочка моя, – вбежал Руслан за ней, – ты была ангел, настоящий ангел! – затараторил он вскидывая руки над собой! Он впервые высказывал похвалу ее работе.

– Руслан, держи, – она отчитала ему процент, который должна была отработать за сегодня и столько же еще раз отчитала (благо денег хватало еще и себе оставить прилично) и передала ему- а это за завтра. Мне нужно уехать, но на следующей неделе я буду работать обе ночи. Обещаю.

– Девочка моя, ты снова меня огорчаешь, – поменялся тон Руслана.

– Мне нужно к маме, прошу, – она, словно в молитве, сложила руки у груди.

– Ладно, – смягчился мужчина, но кроме следующих выходных, на буднях тоже выйдешь.

Поняла?

– Да, да, – обрадовалась Ксения.

Руслан вышел, Ксюша, не снимая с тела стразы, натянула джинсы и свитер, накинула ветровку и вылетела из клуба через служебный вход в ночной прохладный воздух сентябрьской Москвы.

9.

Старенькая Нексия лихо летела из центра города по одному из шоссе в область, навигатор показывал, что ехать придется более четырех часов. «Как раз буду к утру!» – пронеслось в голове у Ксюши. Пока была в дороге она еще раз двадцать позвонила матери, но ее телефон также оставался недоступен. «Боже, мамочка, только будь жива!» Ксюша выжимала из своей старенькой машины максимум, едва обращая внимания на камеры контроля скорости, лишь один раз она остановилась заправиться и взять себе кофе. Усталость и недосып сказывались на остроте зрения девушки.

Фонарь за фонарем, километр за километром, наконец-то вдали появился указатель «Упкын», Ксения повернула с освещенной трассы на дорогу, выложенную щебнем, и проследовала по единственной дороге полузаброшенной деревни к последним домам на окраине. В одноэтажном маленьком деревянном доме виднелся свет. «Жива!» пронеслось в голове у Ксюши. Она остановила машину у старых деревянных ворот и выскочила из нее быстрее пули. Холодный влажный воздух предрассветного сентября проник ей под ребра через растянутую ветровку.

– Мама! Мама! – кричала Ксюша вскакивая по ступенькам дома, не разуваясь.

– Чего кричишь? – раздался недовольный голос матери.

Ксюша подбежала и рухнула на пол, чтобы обнять мать, сидящую на стуле у входа на кухню с маленькой прихожей лицом к входной двери. Женщина лет шестидесяти сидела в холодном доме на старом деревянном стуле в одном халате.

– Ну чего же ты телефон выключила?! Я же вся испереживалась, – со слезами на глазах запричитала Ксюша, трогая холодные руки и лицо матери, – ты в порядке? Почему ты тут сидишь?

– Темочка скоро придет...

– Мама! -Ксения встала с пола, вытирая слезы, – мы столько раз это обсуждали! Я столько раз рассказывала тебе, что он не вернется уже!.

– Так я не сама это придумала! – голос женщины оживился и она наконец взглянула на дочь, – мне люди сказали!

– Какие?

– Которые приходили. Сказали, что если отдам все, что они попросят, то Темочка вернется. Отдала и вот сижу, жду.

Ксению накрыло рыданиями. Она схватилась за голову: ее виски стучали, глаза болели от долгого взглядывания в темноту.

– Мама, Темы больше нет. Давно нет. Он не вернется... никогда. Ни он, ни папа... Они там вместе, – Ксения снова взяла холодную руку матери и начала говорить максимально спокойным голосом, на который сейчас была способна.

Но мать изменилась в лице от ее слов, она резко встала со стула и выдернула свою ладонь из рук дочери.

– Много ты знаешь! И ты и шарлатан этот твой в белом халате – врете всё! Темочка меня не забудет, дом родной не забудет! – женщина начала размахивать руками. Ее некогда ясные голубые, ставшие от горя и слез почти бесцветными задергались, губы задрожали, руки свела судорога. Ксения поняла, сейчас у матери будет приступ и есть лишь один способ сейчас же его предотвратить.

– Да, он едет, уже едет, скоро будет, -вытирая слезы с глаз, обманула она мать.

– Да, да, я знала, знала... – мать Ксении снова села на стул, ее губы успокоились и даже приняли вид некоторой улыбки. Глаза засияли, а руки она сложила перед собой на колени.

– Мам, давай пока Тему ждем, я тебя помою, расчешу... и приготовим еду, ну чтобы ты встретила его со свежими силами и хорошо выглядела. Он будет рад.

– Да, да, – вскочила женщина со стула и засуетилась у старого бойлера, висящего на стене маленькой кухни, – Разогреем воду. И давай обогреватель включим, дома так холодно!

Ксения поняла, приступ отступил, разум матери снова прояснился, насколько это возможно. Но это продлится не долго, скоро она снова начнет томиться в ожидании и снова начнется приступ.

Девушка включила все конфорки на старой газовой плите, чтобы в комнате стало потеплее. Обогреватель унесли те, кто обещал, что Тема вернется. Также Ксения не обнаружила в доме электрического чайника, двух телевизоров, микроволновки, сотового, что она покупала матери взамен утерянного той, также не нашла карточку матери, куда приходила пенсия. Не было в комодке и налички, что Ксения оставляла матери на всякий случай, а фарфоровая шкатулка с золотой цепью матери и их с отцом обручальными кольцами и вовсе пропала сама со всем содержимым. Пока грелась вода, Ксения решила сварить матери бульон, но морозильник был пуст-вынесли все мясо, что Ксения покупала матери с запасом. Жгучее чувство злости кипело в девушке. Почти все, кто оставался жить в селе знали, что у матери Ксении бывают приступы потери разума, что она часто не в себе. Скорее всего дом ограбили по наводке. Девушка зашла в кладовую: перед своим отъездом она закупила матери много круп, макаронных изделий, печения, муки, масла и овощей-сейчас же в углу стояла одинокая потрепанная коробка с четырьмя картофелинами внутри... У Ксении на глазах навернулись слезы, девушку охватила ярость и она ударила кулаком по стене кладовки. «Как можно было так поступить с инвалидом!» она присела на пол кладовки, безмолвные слезы катились по ее щекам. Голова гудела от недосыпа. Злость прошла, ей подумалось, что она благодарна, что несмотря на то, что обнесли дом, не тронули ее бедную умалишенную, но любимую маму. Она схватила оставшиеся картофелины, и прошла с ними на кухню.

– Мам, я сделаю пюре.

Мать не ответила. Ксения заглянула в ванную комнату: не так давно Ксения оплатила водоснабжение в доме и оборудование ванной комнаты. Она старалась привнести в дом стареющей матери комфорт. В ванной у зеркала стояла голая женщина. Тело ее было болезненно худым и бледным, синие весы чертили на морщинистой коже лабиринты. Лицо было осунувшимся со впалыми щеками, светлые, еще хранившие русый оттенок, кудрявые волосы сбились в колтуны. Ксюша подошла тихонько к двери.

– Старость так жестока. Хуже нее только безумие, – произнесла женщина, смотря на дочь в отражении зеркала.

– Мам, ну ты что? Ты всегда красивая. Давай я еще кастрюлю горячей воды в ванну налью. Посидишь немного, согреешься.

Валентина сидела в ванной, Ксения помыла ей голову и расчесала, хорошенько намылила тело мочалкой. Ксения заметила, что на матери нет золотых сережек. Спрашивать где они было бессмысленно. Женщина впала в безмолвие.

– Мам, я тут подумала. Давай я тебя к себе в Москву заберу.

– А жить будем рядом с Тёмой?

– Да, конечно в соседних домах, – соврала Ксения.

– Страшно мне в город ехать, я города не люблю. Злые они, калечат людей и убивают как отца твоего. Как Тёму..., – женщина зарыдала. В ее голове снова наступило прояснение...

– Мам, ну пожалуйста...

– Ты лгунья! Говоришь мне, что отвезешь меня к Тёме, а он-то на кладбище! Убить меня хочешь и дом себе забрать!

– Мам, – взмолилась Ксюша, откладывая мочалку. Она обхватила руками голову женщины и посмотрела ей прямо в глаза, – я позабочусь о тебе. Я заберу тебя с собой, чтобы заботиться.

– Не бросишь меня?

– Нет, конечно, нет!

Ксения вытерла мать, помогла одеться в чистую теплую одежду. Накрошила ей таблетку успокоительного в пюре, напоила сладким чаем и уложила мать спать в комнате, что служила некогда родителям спальней. После таблетки она должна часов шесть спокойно проспать. Теперь Ксюша могла помыться сама. По струей теплой воды с нее смывались стразы, что оставались на ней под свитером все это время. Ярче страз в той ванной блестели только ее слезы.

## 10.

Ксюша обернулась в большое полотенце и вышла из ванной. Босые, очень худые и узкие стопы девушки мерзли на деревянном полу. Она прошла в комнату, что некогда была ее, за теплой одеждой, что оставалась здесь на случай ее приездов. В комнате было все как раньше. Старая узкая кровать с деревянным изголовьем у стенки, старый письменный стол, за которым Ксюша делала уроки. На стенах были приклеены плакаты и схемы человеческой кровеносной системы, нервной системы, строение скелета руки. Отчасти от любви к анатомии, отчасти чтобы скрыть старые, выцветшие, так надоевшие простые бумажные розовые обои в мелкий белый цветочек. Она поспешила одеться и покинуть эту комнату, она ей никогда не нравилась.

Ксюша прошла в комнату к брату. В ней было все как в тот, когда он последний раз вышел из нее, но в толстом слое пыли. Мама не разрешала ничего трогать в комнате Артема, да и сама старалась в нее не заходить даже прибираться, когда еще была на это способна. Комната была побольше Ксюшиной, но с такими же старыми обоями, только зеленого цвета. На стенах висели плакаты из журналов его любимых исполнителей, актеров и актрис. У окна стоял такой же письменный стол как у Ксюши, а вдоль стены такая же узкая кровать. Возле кровати висели пожелтевшие альбомные листы с аккордами его любимых песен. К кровати была прислонена старая деревянная выцветшая гитара, в толстом слое пыли... Также у кровати на стене висели тонкие деревянные белые рамки с фотографиями. Их вешал сам Артем. Ксюша засмотрелась на них. Вот на этой молодой человек, с широкой белозубой улыбкой и огромными зелеными глазами, сидит с восьмилетней Ксюшей, на которой белая юбка пачка и атласные пуанты, здесь папа и Тема радуются крупному улову на местном пруду, а тут мама и папа еще не такие старые, на фоне их дома после ремонта и покраски, держат в руках сверток с розовым бантом, а рядом стоит Тема лет десяти и улыбается. Тут мама в светлом костюме и короткой фате сме-

ется на руках у папы: еще молодые, еще живые духом и телом. Еще не знавшие, что ранний брак обернется поздним родительством. У Ксюши навернулись слезы. Как хорошо было, пока были папа и Тема, и мама была такой, какой Ксюша помнила ее из детства. Как было спокойно и тепло. Она коснулась пальцами фотографий. Половина людей на них -теперь лишь воспоминание, скоро такая же судьба ждет и остальных.

Тусклый свет облачного утра сентября пробирался через почти голые ветки старых деревьев в саду. Ксюша посмотрела дисплей телефона-почти девять утра. Она накинула на себя ветровку, заперла спящую мать в доме и выехала в ближайший продуктовый магазин за едой и хозяйственный за обогревателем.

Она шла между рядами в полупустом магазине, набирая продукты матери на ближайшие пару недель. Овощи, фрукты, мясо, крупы, макароны, гигиенические принадлежности. Встала на кассу за высоким и худым сгорбленным мужчиной и толстой женщиной. Они все суетились и о чем-то спорили, производя невероятный шум в еще сонном утреннем магазине. Ксюша обратила внимания, что в их тележке было много бутылок алкоголя. Именно они так мерзко гремели при небрежном переключении из тележки на двигающуюся ленту. Ксюша присмотрелась к суетившейся женщине синей кофе-олимпийке.

– Тамара Сергеевна, – узнала соседку Ксюша, – я думала вы в больнице.

– Ой, деточка, ой привет, – толстая рябая женщина с красноватым лицом замешкалась, оборачиваясь к Ксении, – вот выписали меня утром рано, приехали с Жориком за продуктами. А чего ты приехала так скоро? Ксения перевела взгляд на Жорика. В нем едва можно было признать тридцатилетнего молодого мужчину: на лице были отметины частого многодневного запоя, даже сейчас он еле стоял на ногах, но шепотом, больше похожим на шипение, крыть матом свою мать сил ему хватало. От матери и сына шел характер запах... перегар. Если бы нужно было создать Парфюм «Безнадега», что именно такой бы аромат и был во флаконе.

– Мама на звонки не отвечала, зайти проведать ее было некому, вот я и выехала сразу...

– Ой, мамочка твоя совсем плоха, совсем плоха. Артему зовет и ждет, бедная сторит она так, – сказала женщина, продолжая выкладывать бутылки на ленту. При очередном ее движении за бутылкой, свет от потолочной лампы блеснул на серьгах в ушах Тамары Сергеевны. Ксюше показалось будто кто-то вылил ей на плечи ведро кипятка. В ушах соседки блестели серьги ее матери.

– Помрет твоя мать тут скоро одна, – закончила свою фразу женщина и посмотрела на девушку. Та стояла молча, на лице немой вопрос: За что? Почему? Всю жизнь через забор жили, Ксюша с Жориком не играла в детстве: нечего было взрослому пацану с малюткой таскаться. Но Тамара Сергеевна дружила с родителями Ксении столько лет. Помогали друг другу, выручали...

– Ты че?, – не выдержала молчания Ксении стареющая алкоголичка.

– Красивые на Вас серьги, Тамара Сергеевна...

Глаза женщины блеснули злобой, она резко отвернулась от Ксении, начала пихать сына, чтобы тот скорее сложил бутылки в пакеты и, оплатив все наличными купюрами, Тамара Сергеевна поспешила с сыном покинуть магазин, гремя бутылками в пакетах. Ксения осознала, каким способ соседка оплатила свой сегодняшний нехитрый шопинг...

– Пробивать будете? Девушка?

– Что?

– Я говорю: пробивать будете? Вы мне сейчас очередь на кассе соберете!

Ксюша будто ото сна очнулась. Посмотрела на торопящую ее кассиршу в фирменном магазинном галстуке, на свою тележку с продуктами, на дверь, из которой сейчас вышла соседка в серьгах.

– Да, я возьму вот это и это, – сказала Ксюша выкладывая на ленту колбасу и хлеб с сыром, -остальное не буду брать.

Кассирша сделала недовольную гримасу, но молча пробила продукты. Ксюша вышла из магазина. Положила пакет в салон своей машины и закурила. В ее голове были страшные мысли. Нет, она слышала и читала о подлости и алчности людей, тем более людей с зависимостями... Сигарета дотлела. Ксюша зашла в магазин хозтоваров и купила самый дешевый обогреватель. «Держите его подальше от мягкой мебели, когда включаете!» – предупредила симпатичная девушка на кассе. Ксения молча кивнула.

«Откуда такие мысли?! Разве у хорошего человека они могут возникнуть?!» Ксения ехала в раздумьях. Отец, пока был жив, вел с ней и братом много бесед: какой человек хороший, какой нет. И она всегда старалась быть хорошим человеком: искренне дружить, не обманывать, честно зарабатывать деньги, не иметь вредных привычек и не связываться с плохими людьми. С момента как Ксения начала танцевать в СинСити, сама себя она вычеркнула из списка хороших людей. Ей казалось, что где-то там, на небесах, отец с укоризной смотрит на нее и абсолютно разочарован. Но ведь и Тема не был хорошим, в последние месяцы перед смертью уж точно... но отец так любил его, так пытался спасти... Вот и дом показался. Она вышла из авто, прислонилась к переднему крылу машины и снова закурила... Этот дом... Старый, деревянный, покосившийся. Железную крышу уже латали несколько раз, но нужно просто поменять на новую, поднять фундамент, поменять сломанное отопление, поменять забор, что местами просто отсутствует, почистить территорию от старых болезненных или давно высохших деревьев и кустов. На это все нужно время и деньги. Или проще все... А за забором тут останутся те же пьющие Тамара Сергеевна с Жориком. И будут они ходить к матери Ксении, что теряет рассудок, врать ей в лицо, что Тема скоро придет, что нужно ради этого отдать все ценное. Даже картошку из кладовки... Тлеющий фильтр обжег пальцы Ксении. Она ойкнула и выкинула окурок, наступила на него ногой, чтобы вдруг не загорелись сухие листья на земле и усмехнулась. Может так было бы даже проще, но ей надо отдохнуть перед долгой дорогой. Нужно поспать. Она вошла с продуктами и обогревателем в дом. Мать еще спала. Девушка включила в ее комнате обогреватель «Пусть поспит спокойно», хотя глаза у самой уже слипались. Она прошла в свою комнату, усталость и бессонная ночь давали о себе знать. Ксюша в одежде легла на кровать и сразу уснула.

## 11.

Ксюша открыла глаза... комнату заливал свет, на улице установилась ясная и солнечная погода. Ее голова была тяжелой, так часто случалось при резких переменах погоды. Она села на кровать. Пытаясь облегчить свое состояние разминанием висков руками, но тщетно. Она прислушалась. В доме была абсолютная тишина, только едва слышалось тикание настенных часов из кухни. Посмотрела на экран телефона-почти половина второго. Ксения спрыгнула с кровати и прошла в комнату матери: кровать была пуста. Сердце девушки забилось чаще, она вышла на кухню, там матери тоже не было, она прошла в прихожую-дверь дома была не заперта.

– Мама! -крикнула Ксюша в ужасе.

Она обулась в калоши, что были у дверей и выскочила на улицу. Старая деревянная калитка болталась на ветру... «Мама!» -снова крикнула Ксения. Но никто не отозвался. Она выбежала из двора. Но куда бежать? Куда бежать за женщиной, что всё ожидает прихода сына, который давно на небесах? «Мост!» -промелькнуло в голове Ксюши! Она побежала, что есть силы в лес сторону старого железнодорожного моста. Калоши не по размеру скользили по влажной земле, присыпанном желтыми листьями. Тонкие уже облетевшие сучки деревьев больно хлестали по лицу. Дыхание сбивалось: Мама! Мама!

Ксюша вышла к мосту... на нем стояла фигура женщины в одной ночнушке.

– Мама! – со слезами облегчения крикнула Ксюша. Валентина не оборачивалась.– Мам, ну ты чего здесь. В ночнушке и босая! Пойдем, отведу тебя домой... – Ксюша задыхалась от ужаса и пробежки.

– Его же здесь наши, да? – не поднимая взгляда со старых железнодорожных путей под мостом, спросила женщина.

Ксения встала возле матери, схватила за перила обеими руками, повторяя позу матери. К горлу подкатил ком. После смерти Тёмы и отца, они вместе никогда не ходили на этот мост.

– Да, – едва слышно ответила Ксения, – сейчас ей не хотелось врать матери, даже в попытке избежать очередной приступ. – У тебя ноги, наверное, замерзли. Почему не обулась?

– Некогда было. Тёмочка так быстро сюда побежал, ну я за ним и рванула в чем была.

По щекам Ксюши побежали горячие слезы. На минуту ей казалось, что сейчас они поговорят о Тёме, о том, что случилось и где. И почему он больше не вернется и папа тоже. После их смерти у маленькой Ксюши не было момента обнять мать и оплакать убитых любимых. Эта дыра в сердце не была заполнена слезами скорби. С годами и взрослением боль притупилась, но пустота в сердце Ксюши осталась. А мать переживала своего горе иначе. В тишине, без эмоций. Уже не выяснить: утрата сказалась так плачевно на психическом состоянии матери или предпосылки к ранней деменции были и ранее. Но как бы больно не было Ксении за личность матери, что стала пленницей заболевания, она осознавала- мать опасна для себя самой. Решение Ксения уже приняла окончательно.

Они стояли на мосту. Две женщины, что потеряли здесь самых близких и родных. Стояли долго и молча. Вдруг налетел сильный порыв ветра. Мост весь загудел, затрясся. Валентина сильнее вжала руки в старые перила и зарыдала. Ксюша обняла мать, поцеловала ее в макушку головы и повела в сторону дома. Дома она помыла ноги матери в теплой воде, снова одела ее в теплую одежду. Сделала бутерброды и налила горячий чай.

– Мам, давай в Москву со мной поедешь, в санатории побудешь, сил наберешься.

– Может с Тёмой лучше?

– Да, он потом подъедет к тебе, – Ксюша поджала нижнюю губу. Она сама не замечала, что делала так, когда лжет.

После еды, Ксюша посадила мать с телефоном, смотреть ток-шоу в прайм-тайме, так детей усаживают родители, чтобы те не мешали. А сама взяла сумку и пошла собирать вещи матери в ее комнату. Она собрала всё: документы, одежду, историю болезни, таблетки матери. Вынесла сумку в машину, одела мать и посадила ту на пассажирское кресло спереди. Женщина слушалась дочь и молча села, сложив руки на коленках.

– Мам, я забыла кое-что. Сейчас вернусь.

Ксюша вошла в дом. Дом, где она родилась, где был отец, брат, здоровая мать... где была ее семья, прошло счастливое детство, счастливое до трагедии... Она прошла в комнату брата. Остановилась перед стеной с фотографиями. Вот она жизнь в моментах. Счастливые лица и улыбки. Если бы кого-то попросили рассказать об их семье, смотря только на эти фотографии, то человек бы заключил, что это была очень счастливая и дружная семья. Что все в их жизни было светло и радостно, что не было наркотиков и того ржавого железнодорожного моста... Деменции. Одиночества молодой девушки и отчаянных попыток помочь матери, что стала заложницей недуга. Что дом, да пусть небогатый, но полный любви и тепла, будет разваливаться от старости и обкрадываться ближайшими соседями... Нет, всего этого по этим фотографиям не скажешь, не подумаешь... Пусть так и останется... как на этих фото! Ксюша быстрыми движениями рук сняла все рамки с фотографиями по стены, сложила их стопкой и ухватила рукой, прижимая к себе. Она прошла в комнату матери, включила обогреватель, накидала вокруг него постельное белье с кровати матери, а сверху накрыла обогреватель пледом, как раз поверх предупреждающей наклейки «НЕ НАКРЫВАТЬ!».

– Всё взяла? – спросила Валентина дочь, когда та садилась в машину и положила фотографии на заднее сидение.

– Теперь да.

– Ну с Богом, – тихо сказала женщина и перекрестилась.

12.

Через два часа пути, из динамика телефона Ксении верещал пьяный голос Тамары Сергеевны.

– Сгорел ваш домик! И беда! Беда! Сгорела моя пристройка летняя и часть забора у вашей стороны! Мой мальчик обжег свою руку пока выносил свои ящики со стеклотарой из пристройки! Когда приедете нам забор чинить?

– Никогда... Ксения не стала дожидаться ответных воплей соседки, повесила трубку и заблокировала ее номер.

Теперь Ксюша позвонила Сабише и объяснила той, почему Валентина пока поживет у них...

Сабиша встретила их в воскресенье вечером дома. Она приготовила к их приезду ужин и заварила свежий чай. Тепло и уважительно поприветствовала Валентину Михайловну и даже пыталась начать с ней какой-то диалог о том, как прошла дорога и давно ли женщина была в Москве в последний раз, но та что-то бесконечно бормотала и единственное, что можно было слышать это имя «Тема».

Ксюша провела мать в свою комнату, уложила в постель и включила той канал со старыми советскими фильмами. А сама пошла прибираться на кухне после ужина.

– Она совсем плоха..., - сказала вошедшая на кухню Сабиша Ксюше, что крутилась у раковины.

– Да, я знаю. Она и раньше уходила в себя, но вернуть ее было проще, и она не теряла так часто и так подолгу связи с реальностью. Болезнь усугубилась, я не могла оставить ее там одну, среди этих людей, они могли обидеть ее, побить или что еще хуже, – голос девушки звучал уверенно, но сама она тряслась, на глазах навернулись слезы. Домыв посуду, она повернулась лицом к подруге.

– Я понимаю все, правда. Моя прабабушка была в деменции, это было страшно... нам, близким. А сама она не понимала своего положения и может это было благом для нее. И она тоже уходила так, как твоя мама и блуждала по селу, мы находили ее, приводили в порядок. А на следующий день, все повторялось. Просто запереть ее дома не было безопасным и потому с ней всегда кто-то оставался дома, так мы прожили восемь лет, – закончила свой рассказ Сабиша, садясь за стол и держа в руках лист бумаги.

Ксения села напротив подруги.

– Не пойми меня неправильно, не подумай, что я не вижу твоей любви и заботы о матери... и я понимаю, что возможно, ты сегодня приняла впервые в своей жизни такое сложное решение. Но жить с ней мы не сможем. Она опасна для себя и даже для нас. Она может спалить нас ночью... – Ксюша вздрогнула, ее подбородок задрожал и по щекам понеслись слезы. Сабиша взяла подругу за руку и вложила той лист бумаги с написанным от руки адресом.

– Брат отца, что жил в Москве на тот момент, устроил бабушку в геронтологический центр. Там есть очень хорошие палаты на платной основе. Центр находится в Подмосковье, вокруг лес, природа. О бабушке там хорошо заботились. Она провела там последние пять лет жизни, пока не скончалась от сердечного приступа в почтенные девяносто два года. Мы приезжали навещать ее, – погромче сказала Сабиша, заметив как у Ксюши округлились глаза от предложения подруги.

– Подумай, находясь постоянно с ней ты не сможешь работать, не сможешь учиться. Не будешь работать не сможешь оставаться в городе, не будешь учиться-не выберешься из Син-Сити... да и возвращаться, некуда, – продолжила говорить Сабиша. Огромные серо-голубые глаза были очень серьезны, а тонкие аккуратные брови изогнуты в напряжении.

– Совсем некуда, – поникла Ксюша.

– Это реально выход в твоём случае... Ты будешь ездить к ней, там о ней позаботятся, там отличные условия и врачи... специалисты, что знают, как справляться с подобными болезнями... Не обижайся, но я им уже позвонила. Вас завтра к одиннадцати часам ждут..., в огромных серо-голубых глазах Сабиши выступили слезы. Она опустила взгляд куда-то себе на колени и крупные капли упали на ее домашние розовые шорты, – Я не могу предложить тебе другой своей помощи.

Ксения молча под села к подруге и обняла ту за плечи. Вот и сидели они вдвоем: молодые и красивые женщины, с порванными душами и поломанными судьбами. И не было никого роднее в тот момент...

Вскоре, успокоившись и приняв душ, Ксюша легла в кровать к матери. Она не спала рядом с мамой с момента, когда отец погиб, через пару недель после смерти Темы. Ксюше было лет восемь. Тогда мама перестала есть, выходить на улицу и просто лежала и выла. Не плакала, а выла, как раненный зверь, что попал лапой в капкан и сейчас медленно умирает, истекая кровью. И маленькая девочка не знала, что делать с мамой, как ей помочь. Своей утраты она еще не осознавала и оттого понять состояние матери ребенку было невозможно. Маленькой Ксюше было страшно, но еще страшнее было оставлять маму одну. Потом пришла учительница из школы, Ксюша пропустила много уроков и, застав голодных Валентину и Ксюшу, в холодном доме, обратилась в опеку. Дальше присоединились другие службы, вскоре Валентину поставили на учет в Психо-неврологический диспансер, она прошла кучу врачей, много проводила время в областном центре у психиатра, тот прописал ей лекарства и ее состояние более-менее выровнялось... Ксюша не хотела всего этого вспоминать, но сейчас, лежа, рядом с мамой, ее память сама пустила ее по своим волнам... Валентина крепко спала. Ксюша обняла мать так, как маленькие дети жмутся к своим мамам в момент страха или волнения. Дыхание Валентины было ровным и спокойным. Какой фокус сейчас проворачивает ее сознание? Может сейчас во сне она с отцом и Темой... Ксюша думала и думала, сон к ней не шел, несмотря на усталость и долгую дорогу за рулем. Она обнимала маму и задавалась вопросом: то, что она сделает завтра предательство? Она бросает мать? Спасает? Когда она потом еще будет лежать с ней и ощущать ее тепло и радоваться ровному дыханию? Но это были все вопросы о душе... был еще один вопрос. Самый частый в человеческой жизни: осилит ли Ксения в одиночку содержание матери в клинике финансово...

### 13.

В понедельник, утром, как было назначено в одиннадцать часов, Ксения и Валентина уже были внутри кабинета с табличкой «Психиатр Юрова Светлана Константиновна». Худая, возмужавшая, но очень статная женщина в бордовом пиджаке, с белым жабо на воротнике такого же цвета блузки, женщина, с лицом покрытым мелкими морщинками, с очками в тонкой изящной оправе и строгим пучком из русых прямых волос сидела на огромном коричневом кожаном кресле за большим деревянным столом. Она вчитывалась в медицинские документы Валентины, что Ксения прихватила с собой из дома. При этом действию врач то и дело вытягивала губы в трубочку, то щурила глаза... Ксения, чтобы не пялиться вплотную на столь занимательного врача, решила оглядеть просторный кабинет. Он был выдержан в строгом стиле в зелено-коричневых тонах, светильники на стенах были белого и золотого цветов, на большой стене без окон поверх зеленых обоев в рамках висели дипломы доктор Юровой и фотографии с разными светилами психиатрической науки современности.

– Я поняла, – голос врача заставил Ксению снова вернуть взгляд на нее, – судя по всему речи уже не идет о пограничном состоянии, а если исходить из частоты эпизодов и их продолжительности, о которых вы мне рассказали, то можно говорить о сильных патологических изменениях сосудов головного мозга и в будущем полной потери когнитивных функций. Речь идет о состоянии младенца в теле пожилого человека, – завершила свою речь врач, положив

документы на стол, и подняв взгляд на Ксению. А та смотрела на мать. Валентина будто была не с ними. Нет, она сидела здесь на соседнем стуле напротив врача, но будто не понимала, что речь идет о ней или не хотела понимать...

– Ксения Владимировна, вы ждете ее реакции на мои слова?

Девушка посмотрела на Юрову.

– Она Вам ее не даст... вообще, если судить о результатах последних двух исследований мозга вашей мамы, ждать от нее адекватных реакций на происходящее вокруг, на людей, события, случаи опасности-бессмысленно. Она не осознает своего состояния. Ее мозг восстал против нее и практически полностью сам стер свою личность.

У Ксении вспотели руки, но они были абсолютно холодные и дрожали.

Юрова встала и сделала полукруг вокруг своего стола и присела на его край возле Валентины. Взяла ту за подбородок, чтобы приподнять абсолютно безэмоциональное лицо женщины и заглянуть той в глаза. В серых глазах Валентины была пустота...

– Нам, тем кто был рядом с ними, кто помнит их другими, здоровыми... очень сложно осознать, что несмотря на то, что человек сидит перед тобой, его уже на самом деле практически и нет...

Ксения поднесла руку к лицу в попытке то ли сдержать слезы, то ли скрыть их. Юрова отошла от Валентины, прошла к своему креслу и села на него. Теперь она смотрела на Ксению вплотную.

– Я предлагаю Вам поместить ее у нас. У нас тут вроде детского сада для людей в состоянии забвения себя, но поместить ее не в отдельной комнате, а в парной. Чтобы у нее всегда было ощущение человека рядом. Мы тут их кормим по часам, поим, одеваем и выводим на прогулки, пытаемся играть в настольные игры, устраиваем подвижные игры и укладываем спать. Лечения как такого нет, потому что его на данный момент не существует, но есть поддерживающая терапия. Ваша мама будет тут в безопасности. Вы сможете навещать ее в определенные часы, забирать на выходные и праздники, если курирующий врач будет не против. Для некоторых пациентов поездки домой сильное эмоциональное потрясение.

Ксюша плакала, она обхватила голову руками и смотрела куда-то в пол. «Оставить тут-это как выкинуть на улицу?!» Валентина же все также неподвижно сидела молча. Юрова смотрела на Ксюшу. На морщинистом лице читалась жалость к молодой девушке, сидящей перед ней.

– Мы позаботимся о вашей матери, – сказала Юрова, будто сумев прочесть мысли Ксении, – поверьте, каждый рубль, оплаченный родственниками на содержание пациента, расходуется целевым методом. Давайте пройдем, покажу комнату для вашей мамы и весь корпус с кухней.

Ксения послушно встала, как по команде за дочерью это же сделала Валентина и они направились за врачом, что уже прошла вперед, и открыла перед ними дверь своего кабинета.

Они прошли за Юровой в лечебный корпус из административного здания, по длинному светлому коридору с ярким освещением. Пока шли, врач рассказывала о распорядке дня пациентов, о массажах и ваннах с лечебными и расслабляющими составами. Показала большую светлую столовую, пояснила, что можно составить отдельное индивидуальное меню исходя из гастрономических предпочтений Валентины. Показала игровой зал и мягкий зал для аэробики, бассейн для плавания. Везде были старики и старушки ухоженного вида, разбитые по небольшим группам, вокруг них суетился медперсонал из мужчин и женщин в белых халатах. Наконец пришло время осмотреть комнату для Валентины. Ксюша прошла в нее одна, Валентина осталась стоять у двери. Комната была, как и все показанное до: чистой, светлой, со свежим ремонтом. Две односпальные кровати с мягкими подголовниками стояли по бокам у окна с белой решеткой, на подоконнике была полка с книгами в мягких переплетах, большой телевизор висел на стене напротив кроватей. В одном углу стоял двухсекционный шкаф

для одежды жителей комнаты, в другом стол с кроссвордами раскрасками и с двумя стульями вокруг него.

Ксюша подошла к окну и посмотрела через решетку: красивый осенний лес чуть затянутый еще влажной дымкой, небольшой ухоженный пруд с деревянными лавочками вокруг и домиками для уток. Юрова подошла к ней и встала рядом.

– Сейчас, Антонина Львовна на аквааэробике. Она понимает мир и свое состояние получше вашей матери. Им вместе будет комфортно, – Ксюша в ответ закивала головой и тяжело выдохнула. Ее сердце бешено билось.

– Давайте мы для начала поместим Валентину в наш центр временно, – продолжила Светлана Константиновна, – не оплачивайте год вперед. Пусть попробует пробыть тут три месяца и, исходя из ее состояния и вашего, – это слово Юрова особенно выделила своим голосом, – примете окончательное решение.

– Хорошо, – едва слышно ответила Ксюша.

– Где касса, чтобы подписать договор и оплатить его, Вам объяснит охранник у лестницы, – вдруг торопливо заговорила врач, – Вам сейчас нужно сказать матери, что она останется здесь и вы будете к ней приезжать при хорошем ее поведении. Александр поможет ей разобрать вещи, – в комнату прошел крепкого телосложения светловолосый мужчина в белом халате.

– Добрый день! Вот и соседка у Антонины Львовны появилась! Надеюсь, вы хорошо играете в переводного дурака, бабу Тоню никто еще не смог переиграть, – смеясь сказал мужчина и перехватил у Ксении сумку с вещами матери.

Ксюша была в ужасе от предстоящего прощания. Она оставляла маму врачам, да, профессионалам, но абсолютно посторонним людям. Она вышла к матери в коридор и обняла ее. Валентина обняла дочь в ответ, но была в ее объятиях отрешенность. Руками она не прижимала дочь к себе, а будто просто использовала дочь, чтобы обессиленные тощие руки не упали плетями вдоль тела.

– Чем дольше прощания, тем сложнее... – предупредила Юрова, – все как с детьми: строго и четко.

– Мама, мамочка, тут о тебе позаботятся, – заговорила Ксения, продолжая обнимать мать, и целуя ее в щеку. Слезы лились по щекам девушки. Ее голос дрожал и срывался. – Я буду ездить, часто ездить, как смогу. Мамочка, прости меня... я буду ездить.

Валентина силой убрала руки дочери с себя: оттолкнула ту. Рыдания Ксении в момент прекратились от шока: ее мать так сильно оттолкнула ее от себя.

– Мам?

– Дрянь! Лживая дрянь, так и знала, что не к Теме меня везешь, – Валентина была в ярости, сухие черты лица приобрели устрашающий вид, тонкие губы изогнулись в злобе, – А я стою, молчу, жду, когда уже мы с ним увидимся- заорала не своим голосом Валентина, сияя ненавистью в глазах, – ты, ты не даешь мне с ним увидеться, ты! – орала Валентина, показывая на дочь костлявым пальцем руки, – Я иду к Теме, – с этими словами она еще раз толкнула Ксению так, что та ударилась о стену спиной и затылком, а после быстрым шагом направилась вдоль по коридору. Александр поднял к лицу рацию с пояса:

– 217 приступ. Срочно! -тут появились мужчина и женщина в белых медицинских костюмах и перехватили Валентину у лестницы. Она взяли ее подруки, не давая идти дальше. Валентина начала орать и вырываться, падать на колени и резко вставать. Медперсонал еле мог удерживать ее. Ксюша наконец-то пришла в себя:

– Что вы делаете, что вы делаете? Оставьте, оставьте! Не Трогайте! – она попыталась помочь матери высвободиться из рук врачей, но тут ее за сзади за плечи схватила Юрова.

– Так происходит почти со всеми, когда они начинают понимать, что останутся здесь.

Валентина продолжала кричать и вырываться, вокруг начали выглядывать из своих комнат и суетиться, у кого-то из постояльцев на фоне криков Валентины, начался приступ паники и они начали кричать вместе с ней, будто пытаюсь переоератьее. Коридор охватил страшный шум.

– Лучше поскорее уходи! – Юрова продолжала держать Ксюшу за плечи и пыталась вести к лестнице.

– Нет, нет! Я так не могу!

– А иначе не получится!

Юрова вела Ксению к лестнице, а медперсонал Валентину в комнату, в моменте, когда они поровнялись в коридоре, Валентина схватилась руками за шею Ксении поверх горловины ее свитера, пытаясь задушить, и в самое ее лицо прокричала:

– Лучше бы это ты умерла! Лучше бы тебя с моста того скинули! Не моего Темочку! Тебя!

Персонал вырвал из рук Валентины Ксению. У той подкашивались ноги и застучали виски. Если бы Юрова не продолжала держать Ксюшу и не быстро среагировавший персонал, то она бы упала на пол под таким натиском матери.

– Идем, идем же! – прокричала Юрова и увела Ксюшу на первый этаж. Валентина все также пыталась вырваться и кричать.

Юрова посадила Ксюшу на лавочке на первом этаже у поста охраны и налила ей стакан воды из кулера.

Ксюша молча взяла протянутый стакан. Ее голова вся гудела, она тряслась будто от холода, шея болела от сильного давления рук матери.

– Я сказала тебе: личности твоей мамы в том теле уже нет. Редко, когда она снова всплывает, но это может проявляться такими приступами агрессии, – сказала Светлана Константиновна, поправляя свое жабо на блузке, – иди живи свою жизнь в своем уме. Мать оставь нам, тебе с ней не справиться. Не забудь пройти в кассу, – Светлана Константиновна поправила рукав пиджака и ушла наверх по лестнице, кивнув Ксюше вместо прощания. Та сидела со стаканом в руке. Слезы высохли на щеках и от соленой воды кожу будто стянуло и сейчас она кололась. Ксюша отпила из стакана, глоток воды причинил боль. Все таки, мама слишком сильно сдавила ей шею. Ксюша инстинктивно потрогала свою шею. Она выкинула стакан в мусорку и прошла внутрь помещения за дверью с табличкой «Касса». Подписала договор. Оплатила все 180 тысяч за три месяца содержания и вышла из здания. Сев в свою Нексию, упав грудью на руль, она снова зарыдала.

14.

Вадим вернулся домой в субботу поздно ночью. Сергей в тот вечер в СинСити смог узнать имя девушки, что танцевала для них: «Оксана». Заказать ее приватный танец у друзей не получилось, девушка исчезла. А администратор сказала: приходите завтра вечером, но на следующий день Оксаны они снова не застали. Если с мыслями и желаниями Сергея все было понятно, то Вадим был в смешанных чувствах. Девушка оба раза перед ним была в разных образах и скорее всего оба раза в париках, но он точно мог сказать, что видел ее. И не факт, может правда не в живую. Выходной день начался с напряженного молчания: они с Анной так и не помирились. Она сделала ему завтрак и вскоре уехала в свой салон красоты. Маринка то и дело мелькала рядом, что-то рассказывала, вызывала искренний смех у Вадима. Ему нравилась живость души и движений дочери, ее мимика и смех. Веселый и несерьезный разговор, начавшийся с шутки, перешел на важную тему. Разговор на важную тему для Марины, но для Вадима, который пусть еще молодой, но все таки отец, такой нежеланный. Она сказала отцу, что хочет окончательно съехаться с Андреем.

– Ты беременна? – с изумлением на ее просьбу спросил Вадим.

– Пап, ну блин, -Марина смутилась, – Это не единственная причина, по которой люди съезжаются.

– Ну а зачем тогда спешить? Живи тут, бывай у него... но оставайся с нами, продолжай учебу.

– Пап, мы хотим попробовать пожить вместе и учебе это никак не помешает. Я обещаю, – она сделала максимально серьезное лицо и вскинула бровь, как умел делать это Вадим.

– Может тогда пожениться?

– Андрей предлагал, но я не хочу сразу обременять себя браком или детьми как это получилось у Вас с мамой, – кажется Марина сказала то, что думает, не пытаясь обойтись с чувствами родителя по мягче.

Вадим пристально посмотрел на дочь. Они сидели вместе на диване в гостиной, перед ним сидела его маленькая дочка, но рассуждала как взрослый человек. Марина, осознав наконец свою оплошность в разговоре с отцом, поспешила исправить ситуацию добавив:

– Не хочу себя ничем обременять, потому что если пойму, что мы с Андреем не сходимся характерами или в быту, или еще как, и мне захочется уйти... Я хочу сделать это просто встав и выйдя за дверь... а свадьба, дети... это то что заставляет тебя колебаться в решениях, которые ты должен принять в свою пользу и ни ничью более, – Марина услышала себя, пока говорила это и подумала, что разговор окончен.

Вадим молча смотрел на дочь. Он протер лоб рукой, ему показалось, что он вспотел. Поправил чуть длинные у лба волосы, закинул их назад, снова потер лоб. Его широкие черные брови сдвинулись к друг другу и образовали между собой борозду. Марина, увидев замешательство отца, продолжила:

– Не хочу всю жизнь как вы с мамой... Вы же не только свои жизни испортили... вы еще и меня заставляете чувствовать себя единственным тем, на чем держится наша семья. Я понимаю, что когда я перееду, ваши шансы оставаться вместе сильно уменьшатся, но не хочу всю жизнь выполнять функцию «клея» между вами..., – «лучше молчи, просто молчи» подумала Марина.

– Я понимаю о чем ты... и мне страшно, что ты тоже это все понимаешь, – сказал он показав руками на пространство где-то вокруг них.

– Я просто хочу быть счастливой, а для этого мне нужно понять, рядом с каким человеком и каким образом я буду счастлива, – пояснила Маринка, – этого не сделать, сидя с Вами молчаливыми на кухне.

– Да, – Вадим обнял дочь левой рукой за плечи и притянул к себе, поцеловал ее в макушку и как-то нервно засмеялся, – я думал, я надеялся... что уж там... что все эти разговоры произойдут сильно позже, но кажется нездоровая обстановка в нашей семье заставила тебя повзрослеть намного раньше. Андрей мне нравится, я понимаю, что он хороший, но, если он тебя обидит- прошу не молчи, скажи мне, я разберусь с ним.

– Пааап! – протянула Маринка.

– Мало ли, просто всегда будь честной со мной, хорошо? – Вадим посмотрел на дочь пристально.

– Значит, ты не против моего переезда к нему?

– Значит, не против, но тебе еще предстоит разговор с мамой. К разговору с ней тебе стоит подготовиться тщательнее, чем со мной, – засмеялся он, – и еще: когда решение будет принято, я хочу, чтобы перед твоим переездом Андрей приехал к нам и мы ним посидели, поговорили... Все таки, я доверяю ему свою единственную дочь.

Маринка рассмеялась, вскинула руки и крепко обняла отца.

– Он замечательный!

– Я не сомневаюсь, но рад, что ты продумываешь все варианты развития ваших отношений. Я и горд и даже напуган твоей продуманностью, – Вадим рассмеялся, но рад, что у тебя холодная голова.

Дальше их разговор снова перешел на всякие несерьезные глупости, но у Вадима зазвонил телефон. Это звонили арендаторы из квартиры его бабушки, сообщили, что им срочно нужно съехать и просят Вадима приехать – забрать ключи. Он быстро оделся и выехал. По дороге его мысли снова ушли к разговору с дочерью. Раздумья привели к ожидаемому выводу для него, который Марина уже успела озвучить: если дочери не будет дома, то смысла возвращаться домой каждый день у него еще меньше. А тут и съемщики съезжают... в общем, он почти принял решение и чувствовал некоторое облегчение.

15.

Марина решила в один день добить эту сложную тему с переездом с обоими родителями. Будучи девочкой неглупой и наблюдательной, она понимала, что разговор с каждым из них лучше начинать по-отдельности. Потом как-то собрать всех вместе за одним столом: родителей и Андрея, ну а потом уже с чемоданами выходить из дома. Зная, характер отношений родителей, она поняла еще до Вадима, что ее переезд будет не так болезненный для как отца как для матери. Отец не жил видением семьи, он вообще жил где-то в отрыве от них. Эмоционально уж точно. А вот с мамой будет сложнее. Она более строгих взглядов да и те, кто приносил себя в жертву всю жизнь требуют такой же жертвенности от других. Даже если жизнь других сама не требует от них морально ложиться под поезд судьбы. Но такого эмоционального поворота разговора не могла ожидать даже психологически подкованная Марина...

– Нет, это исключено. Никаких переездов. Лучше, он тогда сюда переедет, – сказала Анна отпивая вечерний чай из кружки, – да и вообще, рано все это. Доучиться надо. Начать работать.

– Мне до «начать работать» еще пять лет. А жить с Андреем мы хотим сейчас. Детей пока не планируем. Просто хотим идти по жизни вместе...

– Вы можете это делать и для этого необязательно жить вместе! – строго парировала Анна.

– Мам, ну это осложнит наши жизни. Мы хотим жить вместе, наладить быт, ездить в отпуск, – пыталась объяснить Марина.

Анна задумалась, смотрела на стол перед собой... потом выдохнула, строго посмотрела на дочь и повторила:

– Тогда женитесь!

Тут даже дипломатичная Марина не выдержала, эмоциональность у нее была от отца и она громко выпалила.

– Брак ничего не гарантирует! Замужем-не равно счастлива! Тебе ли этого не знать!

Анна округлила глаза от выкрика дочери. Дело было не в громкости, а в оскорбительности сказанного дочерью! О том, что у Анна и Вадима проблемы в браке от самой Анны знала только ее подруга Катя, которой Анна доверяла на все сто процентов. Остальные даже мыслить не должны были смель, что у Анны что-то не получилось по жизни, даже, если речь о дочери, что жила вместе с родителями всю жизнь и видела, что отношения были не здоровыми, а брак не был счастливым. Анна встала из-за стола и подняла указательный палец над дочерью...

– Не смей! Ты не знаешь, как сложно мне дается сохранение брака с твоим отцом!

– Так может не нужно его сохранять? Кому нужна эта иллюзия? Папе точно нет! Я тоже отказываюсь продолжать быть причиной вашего совместного проживания! Чего ты боишься? Что он уйдет? Так будет лучше! У тебя самой появится шанс построить отношения с кем-то кто тебя полюбит!, – Марина осеклась, будто поняла свою мысль, только произнесла ее вслух...

Анна молча стояла перед дочерью, она была выше дочери ростом на сантиметров пять точно, но сейчас ей казалось, что вся она сжалась до размера куклы барби... так мелко она

себя чувствовала от сказанных дочерью слов. Слов, которые она себе бы сама никогда не произнесла... Слова эти были правдой, но признаваться себе самой в этой правде- никогда. Тогда бы оказалось, что все двадцать лет прошли зря, прошли в противостоянии, в жертве, а не в любви... У Анны навернулись слезы. Дочь поспешила обнять мать и запричитала:

– Мам, ну зачем ты так с собой? Ну посмотри! Посмотри! Ты такая красивая, молодая женщина! Ну зачем тебе держать его! Ему это не нужно и никогда не нужно было. Я уверена, что ты встретишь достойного мужчину, что сделает тебя счастливым! Нужно только отпустить папу и выдохнуть, принять себя свободной женщиной! Я устала всю жизнь видеть как ты мучаешься... как сжигаешь себя изнутри ревностью...

Слезы катились по обеим щекам Анны, но она продолжала молчать...

– Надо спать ложиться, завтра рано вставать, – сухо заключила разговор Анна и вышла из кухни, оставив дочь в растрепанных чувствах.

## 16.

Вадим забрал ключи у квартирантов и оглядел квартиру. Двушка бабушки, в старом малоэтажном кирпичном доме, в тихом районе внутри Москвы. Тут он жил с родителями и бабушкой до трагедии, после – он жил тут только с бабушкой. Старушка, убитая горем потери единственной дочери и зятя, души не чаяла в сироте, обожала, жалела и старалась ни в чем не отказывать. Оттого может Вадим и вырос своенравным и эгоистичным подростком. В его пятнадцать бабушка начала осознавать, что допустила непоправимые ошибки в воспитании мальчика, у него начался подростковый бунт и тут, как следовало ожидать, появилась плохая компания. Пару лет он заставил бабушку жить в аду еще при жизни, бесконечные вписки у бесконечных новых знакомых, посторонние люди в квартире, алкоголь, непонятные тусовки по ночам. Подросток часто грубил ей, а на ее мягкие попытки повлиять на него, он в максимально грубой форме отвечал, что она ему не мать. В 17 лет Вадим был на очередной вписке на квартире своего школьного друга. Там и произошла его встреча с тогда еще совсем юной Аней. Для послушной домашней девочки и отличницы это был первый подобный опыт. Она пошла на эту вписку с подружкой, чей брат был вхож в данную компанию. Просто чтобы через него наконец-то познакомиться с красавчиком из параллельного класса, которому тихони-отличницы ну никак не могли нравиться. Тогда Аня решила показать ему, что она «своя в доску», хоть ее фото и красуется на другой доске: доске почета отличников их школы. Инициатива юной и неопытной Ани сделала с ней то, что делает со всеми: Аня, в попытке показаться крутой много курила на той квартире и пила алкоголь. Впервые в своей жизни. Разум был полностью затуманен, а вот инстинкты в молодом теле от алкоголя напротив обострились. Вскоре Аня и Вадим оказались наедине. И в тот же день девушка получила еще один первый опыт и как следствие этого опыта – незапланированная беременность.

Отец Анны был в страшном гневе узнав обо всем, сразу нашел Вадима и его бабушку, поехал к ним, но увидев измученную неконтролируемым подростком старушку, он принял, как ему казалось, единственно верное решение-беременность сохранить, тем более шел уже третий месяц, да и врач предупредил о возможных последствиях прерывания на таком сроке, ну а молодых поженить, Вадима забрать к себе и научить жизни, стать ему отчасти отцом, которого тот потерял в детстве. Семен тогда решил, что справится с юнцом и что отчасти все проблемы от недостатка крепкого мужского воспитания. В общем-то все так и получилось. Он «вырастил» Вадима в образованного, думающего и умеющего делать правильные прогнозы в бизнесе, мужчину, директора фирмы с приличной прибылью. Анна Вадима любила и, казалось, была с ним очень счастлива. Маленькая Маринка вообще же была любимицей стареющего и уже больного деда. Семен Сергеевич не подумал лишь об одном – о чувствах Вадима. Тот так и не полюбил Анну. Он не обижал ее словом, не поднимал руки и никогда ни в чем

не упрекал. Но и не любил. Его нежелание делить с ней постель отчасти сделало невозможным рождение второго ребенка у супругов, как того хотела Анна.

После смерти бабушки в квартире был сделан современный ремонт в скандинавском стиле, но он помнил, где стояло любимое зеленое кресло бабушки, сидя на котором она любила смотреть советские фильмы и что-то вязать. Тогда Вадим считал все эти шарфы и носки пережитком, а сейчас жалел, что не сохранилось ни одного шарфа. Он сел на диван в зале и смотрел на угол, где стояло зеленое кресло. Нет, бабушка не одобрила бы его планы разойтись с Анной через двадцать лет брака... «Стерпится-слюбится» – говорила она тогда. «Стерпится-слюбится» – сказала бы она и сейчас.

17.

Под конец недели Ксюша наконец-то смогла приехать на занятия в университет. Она зашла в аудиторию и сразу направилась к Марине. Девчонки были рады друг другу, поздоровались поцелуем в щеку.

– Извини! Не отвечала на твои смс и звонки... Мама заболела, была дома, занималась ею. В итоге привезла ее в Москву и устроила тут в клинику для людей с деменцией. Жить с ней в съемной квартире с моей напарницей было невозможно.

– Я поняла..., – сказала Марина, видя заплаканное лицо Марины, – сейчас с ней все нормально?

– Ну как нормально? В ее положении «нормально» – это... это не совсем то, что мы понимаем под этим словом... Когда я звоню в клинику узнать, как у нее дела, они говорят, что она в порядке, осваивается. Вчера ездила к ней проведать, выглядит она неплохо. Вроде даже чуть поправилась. Но связи с реальностью у нее нет. Она даже не помнит, как пыталась задушить меня. Только про брата все спрашивает.

Марина сжала губы и обняла измученную подругу. Ксюша обняла в ответ.

– Ты вкусно пахнешь!, – отметила Ксюша, разжимая объятия.

– Андрей подарил.

– Он молодец! И Аромат такой вкусный. Вы уже съехались?

– Если бы... Мама встала в позу. Терроризирует меня, папу подначивает на то, чтобы он не разрешил, а он как бы почти разрешил при ряде условий, – сказала Маринка поднимая при этом высокого брови и многозначительно смотря на подругу, – мама как всегда пытается держать все и всех на контроле... я думаю, что это главная причина запрета на мой переезд.

– Эх, все бы отдала за такую включенность мамы в мою жизнь. Она даже не понимает, что я ей говорю. То молчит, то постоянно спрашивает, когда придет Артем, – Ксюша собрала длинные волнистые волосы в хвост и закрепила его резинкой с запястья. После она сделала несколько круговых движений головой, чтобы размять шею, в этот момент она увидела, что Егор снова смотрит на нее, сидя в отдалении, через несколько рядов лавок с партами. Ксюша отрывисто помахала ему правой рукой в знак приветствия. Тот резко заморгал и сразу отвернулся...

– Странный он все таки...

– Кто? Егор?, – спросила Марина, перехватив на нем взгляд подруги, – кажется он болен чем-то, так вроде тихий, даже скрытный. Кто-то из ребят говорил, что у него отец вроде важный какой-то... Он в среду спрашивал у меня про тебя, – отметила Марина, вытаскивая лекционную тетрадь.

– Про меня? – изумилась Ксюша.

– Ну да, – спокойно ответила Марина, – а ты мне когда лабораторки привезешь? Андрей нашел тебе резину на колеса подешевле.

– Ах да! Точно! Хотела сказать тебе: с резиной отбой. Буду продавать Нексию. Хочу маме год в клинике оплатить. У меня сейчас сбережений никаких. Ездить к маме могу на обще-

ственном или такси уж, просто хочу знать, что у мамы там все оплачено. Так мне будет спокойнее за нее и так смогу начать снова копить.

– Дорого в месяц?

– Шестьдесят тысяч.

– Не слабо..., отметила Маринка.

– Вот, потому хочу продать машину... и мне снова придется просить тебя поговорить с Андреем или еще с кем-то из мастерской... не купят ли они мою машину. Так она в норме, просто старушка. Но при умении сделать из нее конфетку – будет не сложно.

– Конечно! Без проблем спрошу у его ребят на работе. Только пришли мне фотки машины с кучи ракуров.

– Да, обязательно. Давай я тебе сегодня ближе к вечеру домой привезу лабораторки? Мне все выходные работать в ресторане, в понедельник могу и не прийти, – поджав разочарованно губы, сказала Ксюша.

– Да, без проблем. Заходи, посидим с мамой, чай попьем.

– Договорились.

– Ты работаешь всю ночь в ресторане?

– Как правило да, хорошие чаевые, могла бы и лучше работать, но свои принципы...

– Тип не обсчитывать пьяного посетителя?

Ксюша заливисто рассмеялась:

– Типа того, – снова поджала губы Ксюша.

18.

После занятий Ксения заехала домой, взяла свои готовые лабораторные, сумку с одеждой для ночной работы в СинСити и поехала к Маринке. Та жила недалеко от Третьего транспортного кольца и клуб был недалеко от ее дома. До подруги Ксюша решила ехать на автобусе, так будет экономнее, чем такси. И не на Нексии точно уже теперь. Ведь один парень с работы Андрея решил взять машину себе для тюнинга, посмотрев фотографии, которые Ксюша отправила Андрею через Марину, а значит машину теперь надо беречь, чтобы ни царапинки на ней не появилось!

Она надела свой любимый зеленый свитер, он был теплее. А еще он подчеркивал цвет ее зеленых глаз и здорово оттенял каштановые волосы. Свитер был длинным и прикрывал ее попу, потому то, насколько сильно в черных лосинах выделялись ее ягодички не должно было бросаться никому в глаза. Макияж она решила быстренько сделать перед работой в гримерной. Выходя из квартиры, она бросила на себя взгляд в большое зеркало на стене в прихожей... Нет, никто бы в жизни не подумал, что эта девчонка танцует стриптиз. Ну и Слава Богу!

Этот сентябрь не радовал теплой и солнечной погодой. Да и время уже было предвечерним. На остановке ей пришлось стоять минут десять, но замерзла она будто ждала целый час. Наконец-то синий электробус подъехал, и Ксюша вошла в него, заняв место у окна, она позвонила Александру, врачу, что курировал комнату ее матери в клинике. Тот сразу ответил ей и даже дал поговорить Ксюше с мамой. Сегодня, именно в этот час, у Валентины получилось адекватно поговорить с дочерью. Она даже сказала ей не забывать надевать осеннюю обувь, чтобы ноги не мерзли... Ксюша улыбнулась на такой своевременный и заботливый совет матери и обещала завтра поехать на учебу в сапогах. Закончив разговор с матерью, Ксения почувствовала себя как-то очень спокойно и тепло, даже уютно, несмотря на толпу в автобусе. Впервые она не корила себя за то, что поедет всю ночь крутиться у шеста для развлечения мужчин. Теперь она была рада, что смогла обеспечить матери уход и безопасность в специализированной клинике, пусть даже и занимаясь стриптизом.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.